

Пройдя через лабиринт из полуразрушенных, хаотично разбросанных каменных хижин, под непрекращающийся вой ледяного ветра, носившего в воздухе клубы пыли, У Сюань наконец медленно остановилась и тихо произнесла, понизив голос:

— Мы пришли.

Всего два коротких слова мгновенно вернули блуждающие, растерянные мысли Байли И в реальность.

Он тут же подавил смутные обрывки воспоминаний, крутившиеся в голове, отбросил скрытые на дне души сомнения и тоску, и поднял взгляд туда, куда указывала У Сюань.

Перед ними широко раскинулась просторная и ледяная цементная площадь. Земля, до блеска отполированная бесчисленными ногами и скованная твердым, как камень, тонким слоем льда, источала пробирающий до костей холод.

На огромной площади плотными рядами выстроились извилистые живые очереди из Зараженных. Колонны тянулись от самого центра площади до дальнего конца проходов, и конца им не было видно.

Все молчали, никто не шумел и не подгонял остальных.

Эта бесконечная очередь казалась пугающе мертвой: в тишине сливались лишь шаркающие шаги, заунывный свист ледяного ветра да доносившийся издалека глухой стук железа из шахтных туннелей.

Каждый стоявший в очереди опустил голову, ссутулил плечи и отрешенно смотрел вперед. Под бледным дневным светом их изможденные фигуры казались хрупкими и горестными — словно ряды лишенных души марионеток, что механически ждали свою единственную на день пайку, ради которой приходилось влачить жалкое существование.

Раздаточный стол в самом начале площади выглядел предельно убого: несколько сбитых вместе старых деревянных столов с трещинами и пятнами грязи, которые за долгие годы въелись в дерево, сделав его черным и лоснящимся.

За столами аккуратно выстроились несколько огромных железных боксов-ведер. Их бока покрывали пятна ржавчины, углы были помяты и искривлены, а изнутри непрерывно поднимался скудный, мутный пар, смешанный со странным зловонием ржавчины и дешевых продуктов, висевшим над всей площадью.

Очередь двигалась медленно, заторможенно и механически. Каждое продвижение вперед сопровождалось молчаливым ожиданием множества людей.

После долгого ожидания наконец настал их черед.

У Сюань осторожно подняла руку и вытащила из внутреннего кармана одежды две маленькие грубые фаянсовые пиалы.

Края пиал были покрыты трещинами и сколами, глазурь давно облупилась и стерлась. Чашки выглядели старыми и потрепанными, но оставались единственным личным имуществом, которое она так бережно оберегала в этом чистилище.

Даже оказавшись в грязи и безвыходном положении, она продолжала тщательно протирать миски дочиста, не оставляя на них ни пылинки, что выглядело невероятной редкостью на этом полуразрушенном, грязном руднике.

Она мягко подняла руку и уверенно протянула Байли И одну из целых пиал. Ее движения были нежными и надежными, а тихий голос предостерег:

— Держи, скоро наша очередь.

Только они встали на место, как впереди раздался резкий, властный окрик, полный надменного превосходства:

— Следующий! Быстрее шевелитесь! Чего копаетесь!

Кричал мужчина средних лет из числа Зараженных. На его рукаве была надета бросающаяся в глаза желтая повязка из мешковины — отличительный знак помощников управляющих.

Одно лишь это ничтожное подобие власти полностью изменило его.

Он держался прямо, в отличие от остальных ссутуленных, отупевших узников, а в его взгляде не было и следа сострадания к тем, кто разделял его участь — лишь едкая спесь и высокомерное презрение.

Заложив руки за спину, он с дерзким видом оглядывал стоявших в очереди людей, а его грубый и наглый тон по отношению к прежним товарищам был куда суровее и жестче, чем у солдат дисциплинарного отряда. В его глазах читалось упоение обретшейся властью.

Байли И молча шагнул вперед и протянул пиалу.

Холодный железный черпак с неприятным скрежетом скользнул по стенке металлического ведра, и всего через пару движений выдача закончилась.

Опустив взгляд, он посмотрел на скудное содержимое своей миски, и в глубине его глаз промелькнуло с трудом сдерживаемое мрачное выражение.

Еда на подносе выглядела до убогости удручающе.

Половина черного, мрачного на вид ломтя хлеба была невероятно твердой. Плотная, задубевшая текстура, грубая потрескавшаяся поверхность, лишенная малейшего намека на мягкость — увесистый кусок тяжело лежал в руке, не уступая по твердости ледяному кирпичу. О том, чтобы жевать его, не было и речи: даже с усилием отломить кусок казалось невыполнимой задачей. Это был чистейший суррогат, годный лишь на то, чтобы набить желудок, совершенно лишенный каких-либо вкусовых качеств.

В соседней фаянсовой пиале плескалось пол-миски пресной, жидкой похлебки. Мутная и прозрачная вода напоминала помой после многократного мытья посуды, будучи почти полностью лишенной густоты.

На бледной поверхности супа кое-где плавали два-три пожелтевших и увядших листочка какой-то безымянной зелени. Масла почти не было видно: лишь если присмотреться в упор, можно было заметить мельчайшие масляные разводы, которые легко стоило счесть за ничтожные крохи.

Таким был ежедневный паёк узников этого рудника.

Скудный, пресный, холодный — его едва хватало, чтобы теплилась жизнь, но он никак не мог поддержать силы человека, занятого тяжелым трудом на пронизывающем холоде.

Стоявшая рядом У Сюань привычно приняла свою порцию еды, без тени удивления или жалоб — казалось, она уже давно привыкла к подобному рациону.

Однако она не задержалась ни на секунду. Ее ясные глаза быстро и настороженно окинули окрестности.

Ее взгляд скользнул по толпе в очереди, по праздно шатающимся на краю площади Зараженным и дежурившим неподалеку помощникам управляющих, впитывая каждое движение вокруг. Убедившись, что никто на них не смотрит, она тут же схватила Байли И за рукав. Ее движение было быстрым и осторожным, а тихие слова прозвучали с напором:

— Не стой столбом, пошли!

Байли И слегка вздрогнул и машинально последовал за ней, быстро выбравшись из плотной толпы и удалившись от шумной и безмолвной раздаточной площади. Они нырнули в тень уединенного переулочка сбоку.

— В чем дело? Чего мы так спешим? — с недоумением тихо спросил Байли И.

Ледяной ветер пронесся по проходу, растрепав их волосы. У Сюань напрягла лицо, а в ее голосе сквозила закаленная в суровых испытаниях настороженность и серьезность:

— Этим дерьмом наестся невозможно, здесь все вечно голодные.

— На площади полно народу, а мы — беспризорные чужаки без товарищей и заступников. Еду в наших руках легко могут заметить крепкие взрослые Зараженные.

— Здесь обезумевшие от голода люди способны на что угодно: отнять еду, запугать или загнать слабого. Нам нельзя оставаться на виду, пошли быстрее, я знаю одно укромное и безопасное местечко.

Услышав это, Байли И почувствовал, как у него внутри все сжалось, и вмиг окончательно протрезвел.

Только что он был поглощен шоком от жестокой нищеты этой еды, но забыл главное правило выживания на самом дне этого чистилища:

Выживает сильнейший.

На этом скрытом от солнца руднике не было правил, сострадания и справедливости.

Голод способен стереть человечность, а страдания — исказить совесть.

Они — четверо одиноких детей без роду и племени — в глазах остальных выглядели идеальной мишенью, мягкими грушами. Стоило им задержаться хоть на мгновение, как это наверняка привлекло бы злые взгляды и грабеж.

Быстро проскочив вслед за У Сюань через несколько тихих и заброшенных переулков, они в конце концов остановились в слепом углу заброшенного склада.

Стены здесь обрушились, скрывая это место за высокими завалами обломков. Глухой и уединенный тупик, куда редко ступала нога человека — идеальное укрытие, позволяющее полностью скрыться от чужих глаз.

Вокруг воцарилась абсолютная тишина, нарушаемая лишь завыванием ледяного ветра у углов стен.

Байли И остановился и, опустив взгляд на твердый, холодный ломоть хлеба в ладони,

почувствовал, как на него накатывает волна глубокой усталости и головной боли.

Он попытался слегка надавить, но твердый хлеб даже не шелохнулся. Наощупь ледяной и жесткий, тяжелый, словно настоящий кирпич, которым можно было кого-нибудь прибить.

Такой низкосортный суррогат невозможно было проглотить в сухом виде — его оставалось лишь крошить и размачивать в холодной похлебке до мягкости, чтобы кое-как засунуть в рот и проглотить целиком, лишь бы заглушить голод.

Глядя на эту унылую, ледяную трахпезу в своих руках, думая о предстоящих изо дня в день, из года в год бесконечных работах, промывках мозгов, притеснениях и голоде, думая об этой тюрьме, откуда еще никто и никогда не сбегал...

Предельная усталость и апатия внезапно захлестнули все тело Байли И.

Долгая стужа, бесконечные мучения, не имеющая конца темнота и путь, на котором никогда не забрезжит рассвет — все это тяжелым грузом давило на сердце.

Его кадык судорожно дернулся, и он прошептал себе под нос, наполненным беспросветной мертвенностью голосом:

— Если эта крошечная жизнь должна продолжаться изо дня в день, из года в год...

— То не проще ли покончить со всем разом? Было бы куда легче.

В тот самый момент, когда слова сорвались с его губ, странное и до боли знакомое чувство дежавю внезапно захватило его мысли.

Эта фраза, эта мысль, это предельно пресыщенное жизнью отчаяние и желание свести счеты с миром...

Казалось, давным-давно, в какой-то далекий момент времени, он думал точь-в-точь так же.

Та же безысходность, та же усталость, то же ощущение, что мир полон страданий и лучше бы погрузиться в небытие.

Это ощущение было невероятно реальным и в то же время смутным и разбитым на осколки, без истоков и конца — словно тень, запечатанная на самом дне памяти, внезапно пробужденная царящим вокруг тупиком.

Никаких конкретных картинок, никаких четких сцен — остался лишь этот проникший до мозга

костей холодок и пресыщенность, кристально чисто отдающиеся эхом в голове.

Байли И слегка нахмурился, в его глазах промелькнуло растерянное недоумение, и он тихо пробормотал:

— Странное чувство...

Когда именно это было?

Что же он, в конце концов, пережил?

Осколки памяти по-прежнему были скрыты под толстым слоем тумана, ответы погребены в темноте, и некому было ответить.

Лишь бесконечный холод и отчаяние крепко обвивали оказавшегося в ловушке юношу.

<http://bllate.org/book/22376/2347544>